

УДК 811.161.1'06; 81'366.58
DOI 10.17223/18137083/57/20

Г. И. Панова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан

О формальном выражении вида и времени русского глагола

С опорой на предшествующую традицию, прежде всего работы Ю. С. Маслова, рассматриваются особенности формального выражения морфологической категории вида русского глагола, выявляются типы морфемных структур глаголов, являющихся носителями значений совершенного и несовершенного вида; приводятся деривационные модели, по которым образуются имперфективы, перфективы и глаголы обоого вида; уточняются факторы, обуславливающие вид глагола; выясняются условия традиционной закреплённости вида за лексемой. С позиций разграничения абстрагированных морфологических форм и словоформ описывается формальная репрезентация категории времени русского глагола; в новом аспекте раскрывается ее структура, для которой характерна асимметрия в составе (а иногда и в содержании) морфологических форм и словоформ; отражается разный характер взаимодействия вида и времени в различных временных формах и словоформах.

Ключевые слова: план выражения несовершенного вида, план выражения совершенного вида, видообуславливающие факторы, амальгамный характер категории вида, непосредственное и опосредованное выражение значений времени, асимметрия морфологических форм и словоформ времени.

О русском глаголе было писано много, но вопрос доселе остается нерешенным, доселе понимание еще не уравнилось с предметом, – и глаголы нашего языка остаются во всей своей непокоренной самостоятельности, не поддающейся теоретическим объяснениям.

К. С. Аксаков

Проблему формального выражения морфологической категории вида в 1965 г. осветил в целом Ю. С. Маслов. Исследователь пишет: носителем видовых значений являются определенные «комбинации видовых и невидовых морфем (включая и корневую морфему) в составе глагольной основы. Именно глагольная, или, точнее говоря, видовая основа и является в славянских языках матери-

Панова Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (ул. Ленина, 94, Абакан, 665017, Россия; giranova@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 4
© Г. И. Панова, 2016

альным носителем видового значения совершенности/несовершенности» [Маслов, 1965, с. 180; 1984, с. 86]. Аналогичные высказывания находим и в более поздних работах ([Бондарко, 2005, с. 115; Шелякин, 1983, с. 30; Плунгян, 2011, с. 411] и мн. др.).

Конкретизируя это общее положение Ю. С. Маслова, представим типологию структур глаголов¹, являющихся носителями значений совершенного и несовершенного вида.

Типы структур глаголов совершенного вида

1. Приставка + отсутствие суффикса	<i>засесть, сберечь, накрыть</i>
+ -ну-	<i>оттолкнуть, вздремнуть</i>
+ -о-	<i>отколоть, распороть</i>
+ -у-	<i>обмануть, разминуться</i>
+ -е-	<i>забелеть, посмотреть</i>
(искл.: <i>предвидеть, провидеть, недовидеть, сожалеть</i>)
+ -и- ²	<i>раскрошить, набросить</i>
(искл.: приставочные глаг., беспрефиксная часть которых совпадает с глаг. ненаправленного движения: <i>ходить, носить, водить, возить, бродить</i> ; они могут быть СВ (<i>заходить по комнате</i>) и НСВ (<i>заходить в комнату</i>) ³)
2. За- + приставка	<i>запохаживать, запереглядываться</i>
на- + приставка	<i>насобирать, нараскрашивать</i>
по- + приставка	<i>пособирать, пораскрашивать</i>
по-на- + приставка	<i>понасобирать, понараскрашивать</i> ⁴
3. Отсутствие приставки + -ну-	<i>толкнуть, тряхнуть</i>
4. Отсутствие приставки + -ану-	<i>толкануть, тряхануть</i>
5. Приставка + основа сущ., прил.	
+ -и-	<i>затенить, пригубить, выяснить, подновить</i>
+ -е-	<i>обезденежить, обезуметь, посерьезнеть, опьянеть</i>

¹ Типология структур глаголов совершенного и несовершенного вида построена в основном на языковом материале [Грамматика, 1952] и [Русская грамматика, 1980], представленном в разделах, посвященных словообразованию и категории вида глагола. В приведенных ниже структурах отмечаются только неглагольные исходные основы (существительные, прилагательные и др.), глагольные же не указываются.

² О видовом содержании глаголов со структурой «прист. + суфф. -а-» см. ниже.

³ В статье используются условные обозначения: СВ – совершенный вид глагола, НСВ – несовершенный вид глагола, ДВВ – двувидовой глагол, ВО – видовая основа, МЗ – морфологическое значение, Ø – нулевая флексия.

⁴ Глаголы с комбинациями других приставок могут быть имперфективами, например: *перезаписывать, поднакапливать*; см. об этом в [Гатевосов, 2013, с. 52, 56].

Типы структур глаголов несовершенного вида

1. Приставка + -ыва-/-ива-/-ва-	<i>разбрасывать, похаживать, сбивать, нагревать</i>
(искл.: <i>побывать, надавать, подевать</i> и <i>задевать</i> в значении 'подевать')
2. Отсутствие приставки
+ суфф. -а-
(или оканчивающийся на а)	<i>спать, едать, ежживать, пятнать, ахать, выкатать, тявкать, умствовать, жадничать</i> (глаголы с -ова- могут быть двувидами)
+ -е-	<i>смотреть, сиротеть, краснеть</i>
+ -о-	<i>(велесть – ДВВ)
колоть, пороть</i>
3. Отсутствие приставки
+ -чь- (элемент корня)	<i>печь, беречь</i> (искл.: <i>лечь</i>)
4. Отсутствие приставки
+ основа прил., сущ., числ. + -и-	<i>кислить, фальшивить; утюжить, громить; двоить</i>
5. Отсутствие приставки
+ основа прил. + -ну-	<i>крепнуть, глохнуть</i>

Как показывает приведенный материал, в абсолютном большинстве случаев носителями видовых значений являются структуры производных глаголов, сформированные обычно в результате внутриглагольной деривации, реже – при их образовании от других частей речи, прежде всего от имен.

Формальное ядро категории вида, как известно, составляют корреляции приставочных глаголов разного вида со следующими морфемными показателями: 1) для совершенного вида «приставка + суфф. **-а-**, **-и-**, **-ну-**, **-о-**, **-е-** или отсутствие суффикса» и 2) для несовершенного вида «приставка + суфф. **-ыва-/-ива-/-ва-**»⁵: *рассказать – рассказывать, достроить – достраивать, подтолкнуть – подталкивать, прополоть – пропалывать, рассмотреть – рассматривать, отдать – отдавать*⁶.

К прототипическим парам относят обычно и глаголы типа *решить – решать* или *разрешить – разрешать*. На наш взгляд, эти пары находятся за пределами формального ядра категории вида, так как соотношение данных суффиксов могут иметь не только видовые корреляты, но и однокорневые имперфективы (например: *валить – валять, весить – вешать*), а также перфективы (*раскатить – раскатать, перебросить – перебросать*).

Классические имперфективы типа *рассказывать, достраивать, отдавать* включают в себе определенное противоречие. С одной стороны, имперфективный суффикс не затрагивает лексического значения мотивирующего глагола типа *рассказать*, он изменяет лишь его вид, находясь за пределами плана выражения лек-

⁵ Исключение составляют перфективы *побывать, надавать, подевать, задевать*, образованные префиксальным способом от имперфективов с суффиксом **-ва-**.

⁶ О возможных образованиях в устной речи окказиональных имперфективов от глаголов с двумя приставками типа *донабрать – донабирать, перезакурить – перезакуривать* см. в [Татевосов, 2013, с. 58].

семы, и в этом отношении подобен словоизменительным аффиксам; поэтому Ю. С. Маслов и ряд современных грамматистов рассматривают вид как словоизменительную категорию, во всяком случае в сфере имперфективации (см., например, [Горбова, 2013]). С другой стороны, имперфективный суффикс не является самостоятельным выразителем несовершенного вида: вид выражается только в сочетании с приставкой, входящей в план выражения лексемы, – а это уже не словоизменительная черта. На наш взгляд, категория вида даже в своем морфологическом ядре имеет амальгамный характер в том плане, что одновременно сочетает свойства словоизменительных и классификационных категорий. Такая интерпретация природы категории вида вполне согласуется с принципом естественной классификации языковых объектов Л. В. Щербы, последовательно реализованным им при анализе частей речи [Щерба, 1974].

Затрагивая вопрос о формальном выражении вида, следует уточнить представление о видообуславливающих факторах, т. е. тех факторах, от которых зависит вид глагола. Ю. С. Маслов в «Очерках по аспектологии» пишет по этому поводу следующее: «Можно сказать, что видовая принадлежность ВО (видовой основы. – Г. П.) зависит 1) от ее состава и строения, 2) от места, занимаемого ею в составе других ВО, образованных от того же корня, и, наконец, 3) от традиции, закрепившей за определенными ВО определенное видовое значение» [Маслов, 1984, с. 90] (нумерация видообуславливающих факторов введена в цитату нами. – Г. П.).

По нашим наблюдениям, в русском глаголе действительно существует три видообуславливающих фактора, однако они не вполне совпадают с теми, которые называет здесь Ю. С. Маслов.

Первым видообуславливающим фактором, названный Ю. С. Масловым, можно уточнить следующим образом: видовое содержание производного глагола зависит не просто от его «состава и строения», а от деривационной структуры, предопределенной моделью его образования. Под составом и строением исследователь, очевидно, тоже имел в виду деривационное строение, так как в другой работе он пишет, что на вид глагола влияет «сама последовательность соединения указанных морфем (приставок и суффиксов. – Г. П.) в процессе создания данной видовой основы» [Маслов, 1981, с. 196].

Анализ языкового материала показывает, что все модели образования глаголов (кроме двух, о которых речь пойдет ниже) дифференцированы по видам точно так же, как дифференцированы по родам модели образования существительных.

См. перфективные модели внутриглагольной деривации: 1) «приставка + (основа глагола)»⁷: *написать, закипеть*; 2) «(основа глагола) + -ну-, -ану-»: *толкнуть, толкануть*; 3) «прист. + (основа глагола) + -ну-, -и-»: *всплакнуть, заменить*. См. имперфективные модели внутриглагольной деривации: 1) «(основа глагола) + -ыва-/-ива-/-ва-/-а-, -ева-»: *хаживать, подписывать; бывать, заживать; едать, выпекать; затмевать*; 2) «прист. + (основа глагола) + -ыва-/-ива-»: *приплясывать, разгуливать*. От других частей речи суффиксальным способом в абсолютном большинстве случаев образуются глаголы несовершенного вида⁸: *пятнать, жадничать, солить, краснеть, слепнуть, двоить, ахать*; префиксально-суффиксальным способом создаются только глаголы совершенного вида: *пригубить, обезуметь; выяснить, окосеть*. (Имперфективные суффиксы -ыва-/-ива-/-ва- не участвуют в образовании глаголов от других частей речи.)

⁷ Присоединение приставки к глаголу несовершенного вида в абсолютном большинстве случаев превращает его в глагол совершенного вида, однако не всегда. В частности, при сочетании перфективно слабой приставки (имеющей сильное «лексическое» значение) с неопределенным глаголом могут образовываться имперфективы, однако количество их незначительно: *сочувствовать, недослышать, предвидеть* и некоторые др.; см. об этом в [Панова 1996, с. 21–30; 2014, с. 281].

⁸ Искл.: *пленить, ссудить, занозить* – СВ и *крестить, женить, ранить* – ДВВ.

О том, что вид глагола зависит именно от деривационной модели, свидетельствует наличие в русском языке тождественных по морфемной структуре глаголов совершенного и несовершенного вида, ср.: а) *вы-пек-а-ть, разгребать, отучать* (НСВ) и б) *вы-таск-а-ть, разбросать, откидать* (СВ). Видообуславливающим фактором в этих глаголах является их деривационная структура, в которой значимым является тип аффикса (суффикс или приставка), присоединяемого на последней ступени деривации, о чем писал Ю. С. Маслов, ср.: (*вы-пек*)-**а-ть** от *выпечь* (НСВ) и **вы-**(*таск-а-ть*) от *таскать* (СВ).

В т о р о й видообуславливающий фактор – это аспектуально значимый тип лексической семантики глагола, сочетающийся с морфологическим значением одного вида и не сочетающийся со значением другого вида, о чем по существу писал Ю. С. Маслов еще в 1948 г. [Маслов 1948, с. 308–311]. Отметим только общеизвестное: глаголы с семой однократности действия сочетаются лишь со значением совершенного вида: *ринуться, бросить, упасть, выхватить*, а с семантикой неопределенности процесса или его повторяемости – со значением несовершенного вида: *существовать, стоить, выглядит* или *хлестать, захаживать, снашивать*.

Т р е т ь и й видообуславливающий фактор – это традиция, закрепившая за определенным глаголом определенное видовое значение. Ю. С. Маслов только называет этот фактор, не раскрывая его и не иллюстрируя языковым материалом. Относительно каких глаголов можно говорить о традиционной закреплённости вида? По-видимому, относительно глаголов а) с тождественным типом морфемной или деривационной структуры и б) с тождественным типом лексической семантики: они должны обозначать тендентивно предельные процессы, которые могут отражаться словоформами совершенного и несовершенного вида.

Как показывает анализ языкового материала, традиционную закреплённость вида в русском языке имеет незначительное количество непрямых и производных глаголов. Непрямые глаголы – это а) «беспрефиксно-бессуффиксные» глаголы (термин Ю. С. Маслова) типа: *дать, деть* (СВ) – *мыть, крыть* (НСВ); *сесть, пасть* (СВ) – *есть, класть* (НСВ) и б) глаголы с суффиксом *-и-*: *решить, лишить, кончить* (СВ) – *лечить, ловить, говорить* (НСВ)⁹.

У производных глаголов традиционная закреплённость вида проявляется там, где по одной модели образуются глаголы разного вида. В русском языке имеются две такие «двувидовые» модели. Первая модель: «основа существительного + *-ова/-ирова/-изова-*», см.: *пломбировать, лакировать, инспектировать* (НСВ) – *адресовать, стилизовать, финансировать* (ДВВ)¹⁰. Вторая модель: «основа су-

⁹ Здесь уместно обратиться ко второму выделяемому Ю. С. Масловым фактору, предопределяющему вид глагола: «видовая принадлежность ВО... зависит от места, занимаемого ею в составе других ВО, образованных от того же корня» [Маслов, 1984, с. 90]. Однако мы не нашли языкового подтверждения тому, что данный фактор может быть видообуславливающим. Он может быть только видоопознавательным, о чем чуть выше (без употребления этого термина) пишет сам Юрий Сергеевич. См.: «Видовая принадлежность данной ВО узнается по тому, какие глагольные формы могут (или не могут) быть от нее образованы, как именно употребляются образуемые от нее формы и *какие производные ВО возможны от этой ВО*» (выделено нами. – Г. П.) [Там же]. Действительно, если, например, глагол *решить* – перфектив, то от него, естественно, образуется суффиксальный имперфектив *решать*; а глагол *лечить* – имперфектив, то от него образуется префиксальный перфектив *вылечить* или *дать* (СВ) → *давать* (НСВ), а *мыть* (НСВ) → *вымыть* (СВ). Поэтому «место», занимаемое глаголом в составе других однокорневых глаголов, на наш взгляд, не обуславливает его видовой принадлежности, а только отражает ее, будучи ее следствием.

¹⁰ Имперфективность глаголов типа *рефлектировать, изобилывать, досадовать*, образованных по этой модели, обусловлена не традицией, а лексически – семой неопределенности обозначаемого процесса.

шестивительного + *-и-*». Образованные по ней глаголы имеют преимущественно несовершенный вид (*пудрить, копнить, солить, утюжить* и др.), три глагола являются двувидовыми (*крестить, женить, ранить*) и три совершенного вида (*пленишь, занозит, ссудит*). (Возможно, эту модель можно рассматривать и как имперфективную, имеющую шесть глаголов – исключений.) Таким образом, языковая традиция предопределяет вид тендентивно предельных глаголов, имеющих тождественный тип морфемной или деривационной структуры.

Итак, вид глагола может предопределяться тремя факторами: 1) моделью образования глагола, формирующей его морфемно-деривационную структуру, 2) аспектуально значимым типом лексической семантики и 3) языковой традицией, немотивированно закрепляющей за основой глагола тот или иной вид. Носителем же видовой семантики является основа глагола в целом, а в большинстве случаев – определенные комбинации морфем в ее структуре. Однако этим, на наш взгляд, не исчерпываются в русском языке возможности выражения видового значения глагола, во всяком случае – значения несовершенного вида; к этому вопросу мы вернемся при рассмотрении особенностей формального выражения категории времени.

Морфологическая категория времени русского глагола не имеет однозначной интерпретации в плане выражения ее значений настоящего и будущего совершенного времени¹¹. В русистике существует три точки зрения на формальную репрезентацию этих значений.

Ряд исследователей считает средством выражения значений настоящего/будущего времени личные флексии глагола, см., например: [Якобсон, 1972, с. 110; Гухман, 1968 с. 167; Грачёва, 1982, с. 13]. Так, И. Г. Милославский пишет: «...флексии настоящего времени несовершенного вида и настоящего-будущего совершенного одновременно являются флексиями лица и числа» [Милославский, 1981, с. 217].

А. Н. Тихонов выражение анализируемых значений времени не связывает с личными флексиями: «Значения настоящего и простого будущего времени выражаются без особых показателей, словоформой в целом» (разрядка автора. – Г. П.) [Тихонов, 2002, с. 358].

И наконец, некоторые лингвисты, правомерно связывая выражение морфологических значений настоящего и будущего совершенного времени с личными окончаниями глагола, не считают их, однако, специальными «выразителями» этих значений. Так, «Русская грамматика» отмечает: «Формы наст. вр. характеризуются... отсутствием специального показателя времени. <...> Вся совокупность окончаний со значением того или иного лица и числа, присоединяясь к основе настоящего времени глаголов несов. вида, служит формальным выражением категориального значения наст. времени» [Русская грамматика, 1980, с. 627] (выделено нами. – Г. П.). Аналогичную точку зрения высказывает Е. В. Клобуков [Клобуков, 2007, с. 330].

На наш взгляд, увидеть подлинный механизм формального выражения временных значений можно лишь с позиции разграничения трех уровней существования морфологической формы, выделенных А. В. Бондарко. Это – «1) уровень абстрактной грамматической системы (рассматриваемой в отвлечении от лексики); 2) уровень репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания...» [Бондарко, 1983, с. 100]. Для решения нашей проблемы принципиально разграничение первого и второго уровней: уровня абстрагиро-

¹¹ Вопрос о формальном выражении временных значений не затрагивается в современных теоретических работах, он отражается только в грамматиках и учебных пособиях по морфологии русского языка.

шего времени выражается по существу дважды: непосредственно, специальным суффиксом (-л- или нулевым), и еще опосредованно – родо-числовыми окончаниями (понятно, что эта их информация избыточна при наличии категориального средства). Дважды передается временная информация (правда, не тождественная) и в морфологической форме будущего сложного времени.

Дифференциация непрошедшего времени на настоящее и будущее, как известно, зависит от вида и, следовательно, проявляется на уровне словоформы глагола с участием его лексической основы. Получается, что в русском языке нет абстрагированных морфологических форм настоящего и будущего совершенного времени, а есть только зависящие от вида словоформы с такими временными значениями: *достраиваю* – *дострою*. В данных словоформах реализуется общая для них двувременная (настоящего/будущего времени) абстрагированная морфологическая форма. У двувидовых глаголов двувременной является и словоформа: *расследую* – настоящее/будущее время.

Морфологическая категория времени считается бесспорно словоизменительной категорией. И. Г. Милославский пишет: «Указанная категория является словоизменительной, поскольку она охватывает формы слов, различающиеся только значением данной категории. Заметим, что время – одна из немногих морфологических категорий, *признаваемых всеми словоизменительной...*» [Милославский, 1981, с. 210] (выделено нами. – Г. П.). На наш взгляд, эта категория не является чисто словоизменительной. Так как она связана с категорией вида, а вид имеет словоизменительно-классификационный характер амальгамного типа, то он оказывает классифицирующее воздействие и на категорию времени глагола. Морфологическая категория времени имеет словоизменительный характер в сфере оппозиции прошедшего времени и непрошедшего времени в целом, так как те и другие словоформы свойственны глаголам совершенного и несовершенного вида. Но она не является словоизменительной в сфере оппозиции непрошедших времен: глагол имеет либо словоформы настоящего и сложного будущего времени, либо только словоформу простого будущего времени. При этом значения настоящего и будущего совершенного (простого) дифференцируются на уровне словоформы, т. е. с участием лексемы, ср.: *дышу* – наст. вр., *решу* – буд. вр.

Дифференцированный подход к анализу формального выражения категории времени глагола, с позиций разграничения абстрагированных морфологических форм и словоформ, в новом аспекте раскрывает структуру этой категории. Традиционно структура категории времени определяется без специальной дифференциации морфологических форм и словоформ, с реальным учетом только словоформ. Так, Е. В. Петрухина справедливо отмечает: «Значения прошедшего, настоящего и будущего времени реализуются в *пяти противопоставленных видо-временных формах* (выделено нами. – Г. П.). Асимметричная пятичленная парадигма спрягаемых видо-временных форм отражает тесное взаимодействие вида и времени: глаголы НСВ имеют все три временные формы (*поздравлял* – *поздравляет* – *будет поздравлять*), а глаголы СВ – лишь две: формы прошедшего и будущего времени (*поздравил* – *поздравит*) [Петрухина, 2009, с. 117]. О пяти видо-временных «формах» пишет и А. В. Бондарко с тем лишь различием, что «формы» типа *поздравит* или *открою* интерпретируются, вслед за В. В. Виноградовым, как «формы» настоящего-будущего совершенного времени [Бондарко, Буланин, 1967, с. 83]¹².

¹² В книге А. В. Бондарко, Л. Л. Буланина «Русский глагол» (Л., 1967) главы, посвященные морфологическим категориям вида, времени, наклонения и лица, написаны А. В. Бондарко; глава, освещающая категорию залога, написана Л. Л. Буланиным.

Если же структуру морфологической категории времени рассматривать с позиций дифференциации ее морфологических форм и словоформ, то она представляет собой единство трех морфологических форм и пяти типов словоформ¹³.

Итак, категория времени имеет три абстрагированные морфологические формы, причем, на наш взгляд, две из них имеют собственно временной, а одна – видо-временной характер. Собственно временной характер имеют: 1) форма прошедшего времени (основа глагола + *-л-* + *Ø*), реализуемая в глаголах совершенного, несовершенного вида и двувидовых: *строил, построил, расследовал*; 2) форма не прошедшего времени, двувременная (основа глагола + *-у*), которая реализуется в глаголах несовершенного вида в словоформах настоящего времени (*строю*), в глаголах совершенного вида – в словоформах будущего времени (*построю*), а в двувидовых глаголах – в двувременных словоформах (*расследую*). А видо-временной является аналитическая форма – это форма будущего времени и несовершенного вида: *буд-у* + основа глагола + *-ть*. План ее содержания, а точнее ее аналитического компонента *буд-у*, составляют два значения: ‘следование действия за моментом речи’ и ‘процессность’. Естественно, что данная морфологическая форма предполагает свое заполнение только глаголами несовершенного вида.

Эта морфологическая форма включает в себе определенное противоречие. С одной стороны, ее категориальное значение выражается за пределами основы глагола, как у классических словоизменительных форм; с другой стороны, она присуща только глаголам несовершенного вида, и в этом, видимо, логично усматривать ее несловоизменительный аспект.

Пять типов временных словоформ – это: 1) словоформы прошедшего времени: *строил, построил, расследовал*; 2) двувременные словоформы: *расследую*; 3) словоформы настоящего времени: *строю*; 4) словоформы будущего совершенного времени: *построю* и 5) словоформы будущего несовершенного времени: *буду строить, буду расследовать*.

Из всей системы временных морфологических форм и словоформ выделяются форма и словоформы прошедшего времени. Это собственно временная морфологическая форма, категориальное значение которой ‘предшествование действия моменту речи’ реализуется в словоформах независимо от вида: *строил, построил, исследовал*. Не случайно В. В. Виноградов называл эту форму «сильной грамматической категорией», противопоставляя ее формам «настоящего-будущего времени» [Виноградов, 1972, с. 444].

Таким образом, морфологическая категория времени глагола обнаруживает асимметрию между составом (а иногда и значением) абстрагированных морфологических форм (три) и типами словоформ (пять), в которых они реализуются. О других известных проявлениях асимметрии категории времени см., например, в [Петрухина, 2009, с. 117; Тирофф, 1998].

Выполняя данное выше обещание вернуться к вопросу о выражении категории вида, отметим особенности формальной репрезентации значений совершенного и несовершенного вида. План выражения значения совершенного вида всегда совпадает с планом выражения лексем: одни и те же структурные элементы основы глагола участвуют в выражении и лексического, и видового значений: *накрыть, забелеть, тряхануть, затенить, опьянеть* и др. А план выражения несовершенного вида может совпадать с планом выражения лексем, а может

¹³ О структуре морфологической категории времени и ее формальной репрезентации мы писали, рассматривая стратификацию выражения грамматических значений в спрягаемых и неспрягаемых словоформах глагола [Панова, 2015]. Однако в этой работе мы полнее освещаем формально-содержательные аспекты этой категории и выявляем новые грани ее взаимодействия с категорией вида.

и не совпадать. Он совпадает у всех непроеизводных имперфективов, например *ходить, спать, сидеть*, – и у тех производных, где суффиксы (включая *-ива-/-ыва-*) выполняют словообразующую функцию, например: *утюжить, крепнуть* или *хаживать, приплясывать*. И не совпадает у приставочных коррелятивных имперфективов типа *рассказывать, отдавать, выпекать*, где грамматический суффикс связан только с выражением их видового, но не лексического значения. В таких случаях, видимо, можно говорить о том, что видовая основа глагола выходит за пределы его собственно лексической основы. Кроме того, значение несовершенного вида может выражаться вообще за пределами основы глагольного слова, на уровне абстрагированной аналитической формы параллельно с выражением значения будущего времени. Таким образом, план выражения несовершенного вида имеет более неоднородный характер, чем план выражения совершенного вида.

Временные словоформы глагола обычно называют видо-временными формами (см. приведенную выше цитату из книги Е. В. Петрухиной). И это соответствует языковой реальности. Однако удельный вес вида в разных видо-временных словоформах и характер взаимодействия в них значений вида и времени различны. Так, в словоформах типа *дыш-у, реш-у* вид предопределяет конкретную временную реализацию (настоящую или будущую) двувременной морфологической формы (основа глагола + -у). В сложных словоформах типа *буду дыша-ть* значение несовершенного вида выражается не только основой глагола, как обычно, но и самой морфологической формой (компонентом *буд-у*) в единстве с временным значением. Таким образом, словоформы настоящего времени, будущего совершенного и будущего несовершенного времени представляют собой своеобразный сплав (амальгаму) временных и видовых значений, что в двух последних случаях отражается и терминологически. В выражении же прошедшего времени вид глагола не принимает никакого участия: суффикс *-л-* (или нулевой) выражает чисто временное значение на уровне абстрагированной морфологической формы, за пределами основы глагола. Однако в структуре конкретных словоформ видовое значение основы вступает во взаимодействие с временным значением морфологической формы, обуславливая наличие у этих словоформ тех или иных частных видо-временных значений.

В завершение отметим, что категория времени – это единственная категория в грамматическом строе русского языка, имеющая асимметрию между составом абстрагированных морфологических форм и словоформ, в которых они реализуются. И понятно, что истоки этой асимметрии – в неразрывной связи категории времени с категорией вида.

Список литературы

- Адмони В. Г. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // Филологические науки. 1961. № 3. С. 3–15.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 620 с.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол: Пособие для студентов и учителей. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 639 с.
- Горбова Е. В. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида // Russian Linguistics. 2013. Т. 38, № 1. С. 1–21.

Грамматика современного русского литературного языка: В 2 т. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 789 с.

Грачёва О. А. Система флексий современного русского литературного языка (морфологический и функциональный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 20 с.

Гухман М. М. Грамматические категории и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 117–175.

Клобуков Е. В. Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2007. 560 с.

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1948. Т. 8, вып. 4. С. 303–317.

Маслов Ю. С. Современный болгарский язык и теория славянского глагольного вида // Славянская филология. Т. 7: Езикознание. София: Българ. акад. на науките, 1965. С. 170–182.

Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка для студентов филологических факультетов университетов. М.: Высш. шк., 1981. 408 с.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 263 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.

Панова Г. И. Морфологические категории в современном русском языке: Аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительного. С.-Петербург; Абакан, 1996. 164 с.

Панова Г. И. Морфология русского языка: Энцикл. слов.-справ. М.: Комкнига, 2014. 444 с.

Панова Г. И. О стратификации выражения морфологических значений в структуре словоформ русского глагола // Вестн. Моск. гос. ун-та. 2015. № 1. 62–75.

Петрухина Е. В. Русский глагол: Категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): Учеб. пособие. М.: Макс Пресс, 2009. 208 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 669 с.

Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.

Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.

Тирофф Р. Вид и его взаимосвязь с временем // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 454–465.

Тихонов А. Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель-трейд, 2002. 463 с.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. М.: УРСС, 2001. 272 с.

Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы). Таллин: Валгус, 1983. 265 с.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 77–100.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

G. I. Panova

Khakas State University
Abakan, Russian Federation; gipanova@mail.ru

Formal expression of the Russian verb aspect and tense

The paper deals with the peculiarities of the formal expression of the Russian verb aspect and tense categories. The author takes into account the traditions of coping with this problem, namely the works of Y. C. Maslov. The perfective and imperfective meaningful verb structures are enumerated, paying attention to the derivational models for the formation of imperfectives, perfectives, general verb forms, and gives the factors determining a verb type. Also, the conditions for the lexeme fixedness are stated. The author describes the formal representation of the verb tense category from the position of the abstract morphological forms and word forms. A new approach is used according to which asymmetry is a characteristic feature in the morphological forms and word forms.

Keywords: aspect determining factors, expression of the imperfective aspect, amalgamating feature of the aspect category, direct and indirect tense category expression, asymmetry in the morphological forms and word forms.

DOI 10.17223/18137083/57/20

References

- Admoni V. G. Partiturnoe stroenie rechevoy tsepi i sistema grammaticheskikh znacheniy v predlozhenii [The score structure of the speech chain and the system of grammar meanings in the sentence]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 1961, no. 3, pp. 3–15.
- Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [The principles of functional grammar and the aspectology problems]. Leningrad, Nauka, 1983, 208 p.
- Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [The theory of morphological categories and aspectology research]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, 620 p.
- Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russkiy glagol. Posobie dlya studentov i uchiteley* [Russian verb. A handbook for Students and teachers]. Leningrad, Prosveshchenie, 1967, 192 p.
- Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. The grammatical study of the word]. Moscow, Vysshaya shkola, 1972, 639 p.
- Gorbova E. V. Eshche raz o vidoobrazovanii russkogo glagola: k slovoizmenitel'noy traktovke vida [Again about speciation of Russian verb: to inflectional type of interpretation]. *Russian Linguistics*. 2013, vol. 38, no. 1, pp. 1–21.
- Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 2 t. T. 1: Fonetika i morfologiya* [The grammar of modern Russian literary language: in 2 vols. Vol. 1: Phonetics and morphology]. Moscow, Izd. Akad. nauk SSSR, 1952, 789 p.
- Gracheva O. A. Sistema fleksiy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (morfologicheskii i funktsional'nyy analiz): avtoref. dis. kand. filol. nauk [The system of inflections of modern Russian literary language (the morphological and functional analysis): Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1982, 20 p.
- Gukhman M. M. Grammaticheskie kategorii i struktura paradigm [Grammatical categories and paradigm srtructure]. *Issledovaniya po obshchey teorii grammatiki* [General grammar theory research]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 117–175.
- Klobukov E. V. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Lekanta P. A. (ed.). Moscow, Drofa, 2007, 560 p.
- Maslov Yu. S. Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke [The aspect and lexical meaning of the verb in the modern Russian literary language]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Izvestiya AN SSSR. Literature and language department]. 1948, vol. 8, iss. 4, pp. 303–317.
- Maslov Yu. S. Grammatika bolgarskogo yazyka dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov universitetov [Grammar of the Bulgarian language for students of philological faculties of universities]. Moscow, Vysshaya shkola, 1981, 408 p.

- Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad, Izd. LGU, 1984, 263 p.
- Maslov Yu. S. *Sovremennyy bolgarskiy yazyk i teoriya slavyanskogo glagol'nogo vida* [Modern Bulgarian language and the theory of the Slavic verbal aspect]. *Slavyanska filologiya vol. 7, Ezikoznanie*. Sofiya, Bulg. akad. na naukite, 1965, pp. 170–182.
- Miloslavskiy I. G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1981, 254 p.
- Panova G. I. *Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: Aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nogo* [Morphological categories in modern Russian: Aspects of formal expression of the verbal and noun aspect]. St. Petersburg: Abakan, 1996, 164 p.
- Panova G. I. *Morfologiya russkogo yazyka: Entsikl. slov.-sprav.* [The morphology of Russian language: Encyclopedic dict.-handbook]. Komkniga, 2014, 444 p.
- Panova G. I. *O stratifikatsii vyrazheniya morfologicheskikh znacheniy v strukture slovoform russkogo glagola* [About stratification of morphological value expression in the structure of Russian word forms of the verb]. *Vestn. Mosk. gos. un-ta.* [Bulletin of the Moscow state univ.]. 2015, no. 1, pp. 62–75.
- Petrukhina E. V. *Russkiy glagol: Kategorii vida i vremeni (v kontekste so-vremennykh lingvisticheskikh issledovaniy): Ucheb. Posobie* [Russian verb: Category type and time (in the context of co-temporal linguistic research): a handbook]. Moscow, Maks Press, 2009, 208 p.
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to the grammatical semantics: grammatical values of language and grammatical systems of the world]. Moscow, RGGU, 2011, 669 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 783 p.
- Tatevosov S. G. *Mnozhestvennaya prefiksatsiya i ee sledstviya (Zametki o fiziologii russkogo glagola)* [Multiple prefixation and its consequences (Notes on the physiology of Russian verb)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 2013, no. 3, pp. 42–89.
- Tiroff R. *Vid i ego vzaimosvyaz' s vremenem* [Aspect and its relationship with time]. *Tipologiya vida. Problemy, poiski, resheniya* [Aspect typology. Problems, search, solutions]. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1998, p. 454–465.
- Tikhonov A. N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. [The modern Russian language. Morphemics. Word formation. Morphology]. Moscow, Tsitadel'-trejd, 2002, 463 p.
- Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [The imperative semantics and typology. Russian imperative]. Moscow, URSS, 2001, 272 p.
- Shelyakin M. A. *Kategoriya vida i sposoby deystviya russkogo glagola (Teoreticheskie osnovy)* [Category type and methods of action of the Russian verb (Theoretical basis)]. Tallin, Valgus, 1983, 265 p.
- Shcherba L. V. *O chastyakh rechi v russkom yazyke* [About parts of speech in Russian language]. In: Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'* [The language system and speech activity]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 77–100.
- Yakobson R. O. *Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol* [Shifters, verbal categories and Russian verb]. In: *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of the typological analysis of languages of different system]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 95–113.